Для цитирования: Зверева П. К. Концепт «правовой закон» как сущностно оспариваемый концепт? // Социум и власть. 2018. № 2 (70). С. 67–75.

УДК 1

КОНЦЕПТ «ПРАВОВОЙ ЗАКОН» КАК СУЩНОСТНО ОСПАРИВАЕМЫЙ КОНЦЕПТ?

Зверева Полина Константиновна,
Тюменский индустриальный университет,
аспирант кафедры гуманитарных наук
и технологий.
Российская Федерация, 625000, г. Тюмень,
ул. Володарского д. 38.
E-mail: polyusha@inbox.ru

Аннотация

Предлагается к обсуждению авторское видение концепта *правовой закон* в качестве одной из составляющих для концепта *право*. Впервые даётся обоснование отнесения концепта *правовой закон* к группе концептов: кластерных, сущностно оспариваемых, обладающих внутренней сложностью. С точки зрения обыденного языка основной отличительной чертой концепта *правовой закон* является соответствие Конституции демократического и правового государства. По результатам исследования перечисляются и классифицируются отличительные признаки концепта *правовой закон*, позволяющие утверждать полезность его выделения из более крупного концепта *право* и отнесения к *сущностно оспариваемым концептам*. Мы используем концептуальный метод в философии права, чтобы сфокусировать внимания исследователей на анализе определённой группы кластерных концептов и способах их интерпретации представителями различных правовых теорий. Выделение ядра и периферии поля концепта *правовой закон* позволяет частично устранить неточности языка в законодательстве и судебной практике. Концепт *правовой закон* иллюстрируется применительно к законодательным актам, нормам законодательства в судебных решениях и кратко затрагиваются вопросы влияния истории, политики и идеологии на концепт *правовой закон*. В статье излагаются примеры установления *несоответствия законов Конституции*, что в нашем понимании является установлением критериев для концепта *правовой закон*. Исследование выполнено в соответствии с современной парадигмой когнитивных наук, философии права и сознания. Результаты исследования в силу их новизны предлагается вынести для широкого научного обсуждения, после чего возможно их использование для подготовки практических рекомендаций по экспертизе нормативных актов на предмет соответствия принимаемых законов Конституции.

Ключевые понятия:
право,
«правовой закон»,
концепт,
«сущностно оспариваемый концепт»,
критерии У. Б. Галли,
«верховенство права»,
идеал.

Введение

Понятие *концепт* исследовано многими учеными, вместе с тем его изучение является одним из самых актуальных и находится в фокусе когнитивных наук. Полисемия слова *концепт* оправдывает «любое» его употребление, что затем влечёт значительную путаницу. Концепт – содержание понятия в отвлечении от языковой формы его выражения. Концепт актуализирует отраженную в понятии онтологическую его составляющую[1]. В философии права проблема концепта *право* предоставляет нам возможность вести исследования на другом уровне. Мы приведём некоторые научные взгляды на проблемы «сверхкрупного» концепта *право*, после чего предложим авторский взгляд на концепт *правовой закон*. Концепт *правовой закон* также будет сложным концептом (подобно концептам *демократия*, *справедливость*, *правовое государство*, *верховенство права* и т. д.). В соответствии с Теорией Сущностной Оспариваемости, в исследовании мы выдвигаем гипотезу о признание концепта *правовой закон* сущностно оспариваемым концептом. Тема исследования неизбежно затрагивает вопросы о том, является ли «право» общим концептом и может ли общая теория права основываться на той или иной форме концептуального анализа [5, с. 214]. Мы воспользуемся одним из видов концептуального анализа, который предполагает выявление концептуального ядра термина *правовой закон* при сравнении различных контекстов его употребления. Актуальность настоящего исследования следует из содержания документов международных организаций, таких как ООН, Совет Европы, законодательных актов России, в части соответствия признакам *правового государства*. В отличие от интереса, уже проявленного к концепту *право* и *верховенству права*, исследуемый и предлагаемый нами концепт *правовой закон* находится в «тени» более известных концептов. В исследовании мы провели разграничения концепта *правовой закон* с другими смежными, или более крупными концептами, поскольку «термин “право” может относиться к множеству концептов, даже когда он ограничен его юридическим смыслом» [12, p. 90].

Основная часть

Отдельную проблему представляют языковые, культурологические, исторические, юридические особенности в европейских

[1] http://www.nsc.ru/win/elbib/data/show_page.dhtml?77+1441 (дата обращения 02.04.2018)

языках. Например, французский термин «"*Etat de droit*" (вероятно, являющийся переводом термина "*Rechtsstaat*", известного германской и многим другим правовым традициям) часто используется как аналог англоязычного термина "*Rule of Law*", но не всегда соответствует его содержанию. Гораздо более адекватным понятием здесь является "*preeminence du droit*"» [4, с. 306]. Как мы полагаем, множественность возможных и существующих определений (дефиниций) концептов *право*, *закон*, *правовой закон* не должна вызывать обеспокоенности по следующим причинам. К примеру, определение терминов «предложение» и «текст» насчитывает десятки определений от самых простых до самых утончённых. Указанное обстоятельство не затрудняет для нас ежедневное пользование языком. Следовательно, множественность дефиниций исследуемых нами концептов также не должно вызывать сложностей с их пониманием. Основное разграничение в исследовании проводится между концептом *правовой закон* в русском и английском языках. Эволюция концепта *правовой закон* связана не только с развитием правовой культуры общества, но и развитием других наук (социальных, гуманитарных и др.), а также смежных концептов (*право*, *закон*, *справедливость* и т. д.). Речь идёт не только о словарных определениях, но и социальных, правовых, культурных практиках, через которые только и возможно надлежащее толкование концепта *правовой закон* на разных социальных уровнях. Для Галли, «адекватное понимание [этих сущностно оспариваемых концептов] требует некоторой оценки их истории – того, как они стали использоваться в том виде, в каком они есть...» [6, p. 37]. Проблема репрезентации *правового закона* имеет другой достаточно амбициозный аспект – выявление (признаков, характеристик, качеств, функций) элементов (компонентов, структур) уровня ментального языка, поскольку это «отличный способ познания ментального мира индивидуума, группы, научного сообщества или культуры – выяснить, как они организуют свой мир концептами» [11, p. 609]. Итак, репрезентация концепта *правовой закон* является не только репрезентацией конкретного концепта на текстовом или дискурсивном уровне, но прежде всего на «ментальном уровне», который предположительно располагает своими единицами и своим подобием синтаксиса.

Новейшее время содержит многочисленные примеры, когда право или правовая система страны включает в себя противные основам человеческой морали законы и правовые нормы, отрицающие их моральное и ценностное содержание. Концепт *правовой закон* имеет, безусловно, ценностное измерение. Более того, можно предположить, что ценностная составляющая концепта *правовой закон* будет оставаться главной характеристикой и в будущем. Между тем, в одном синхроническом срезе концепт *правовой закон* имеет совершенно разные отношения с другими ценностями поскольку происходит периодическая перегруппировка таких ценностей.

На наш взгляд, краеугольным камнем для понимания *правового закона* является более известный концепт *верховенство права*. Как указывалось выше, законы, противные основам морали и нравственности, не являются правовыми, поскольку принцип верховенства права при принятии таких законов не работает. В настоящее время отсутствуют статистические данные, какое число действующих законов (правовых норм) являются «правовыми». Установленные законодательством судебные процедуры признания законов неправовыми (несоответствующими Конституции) являются длительными и скорее всего «малоэффективными». К примеру, для США за более чем двухсотлетний период общее число признанных Верховным судом США неконституционных законов на 2012 год составляет 165 актов. Для России, чья Конституция насчитывает меньше четверти века, вопросы определения критериев *правового закона* также являются исключительно важными. С одной стороны, за такой короткий отрезок времени невозможно сформировать теорию и практику *правового закона*. С другой стороны, у России имеются возможности применения лучших мировых образцов для разрешения проблемы *неправовых законов*, что и реализуется посредством конституционного судопроизводства. Использование в исследовании термина *правовой закон* требует определения места концепта в современной научной парадигме. В исследовании мы используем термин «концепт» в рамках ведущей философской *Теории ментальной репрезентации* (Дж. Фодор и др.). В силу изложенного, мы предлагаем использовать накопленный опыт философии права для формирования признаков *правовых законов*. Теоретическая значимость исследования заключается в предложении нового взгляда на проблему концепта *правовой закон*. Изучение концепта *правовой закон* с точки зрения теории сущностной оспариваемости позволит

по-новому взглянуть на вопросы усвоения этого концепта и на вопросы построения иерархии сверхкрупного концепта *право*. Практическая значимость исследования связывается нами с внесением в юриспруденцию концепта *правовой закон* для использования в работе законодательных и судебных органов. Кроме того, внедрение и поддержание концепта *правового закона* за пределами профессионального юридического сообщества на уровне общечеловеческом является полезным, поскольку «общение между людьми чрезвычайно облегчается, если люди могут рассчитывать на общий набор разделяемых ими концептов» [11, p. 609].

Для исследуемой нами проблемы статистика *неправовых законов*, как и случаи *преступных законов,* не являются подходящими критериями. Официально преступными законами признаются законы (как в случае с законами нацистской Германии) в соответствии с решениями международных трибуналов или Постановлениями Конституционного суда. В действительности, доля *неправовых законов* в общем числе законов любого из государств нам представляется значительной. Поэтому перед судьями соответствующих конституционных судов стоит практическая задача установить признаки концепта *правового закона*, которые отличают его от *неправового закона*. Вместе с тем, количество судей Конституционного суда по отношению к общему числу законов в государстве заведомо делает практически нерешаемой задачу устранения *неправовых законов*. Междисциплинарная научная разработка критериев *правового закона* сможет способствовать разрешению этой проблемы еще на стадии законотворчества путем применения выработанных критериев и присвоения «новому» *закону* статуса «правовой».

Итак, можно утверждать, что концепт *правовой закон* имеет признаки «смешения» (*блендинга*) концептуальных пространств. Полагаем, что посредством смешения (*блендинга*) концептов *право* и *закон* организуется новый феномен концепт *правовой закон*. Новый феномен несводим ни к «праву», ни к «закону». Более того, в концепте *правовой закон* смешиваются периферийные пространства концептов *правовое государство* и *верховенство права*. Приведём мнение парламентариев Соединённого королевства о концепте *верховенства закона*[1]: «The rule of law remains a complex and in some respects uncertain concept» («верховенство права остаётся сложным и в некотором отношении неопределённым концептом») и далее – «a third meaning of the rule of law held by some is that it encompasses substantive rights, thought to be fundamental, which can be "used to evaluate the quality of the laws produced by the legislature and the courts"» («третий смысл охватывает материальные права, которые считаются фундаментальными, которые могут "использоваться для оценки качества законов, созданных законодательной властью и судами"»). Парламентарии Великобритании вкладывают в концепт *верховенство права*, то значение, которым мы предлагаем наделить концепт *правовой закон*. Зачем проверять качество законов, созданных законодательной властью и судами, на соответствие *верховенству права*, вместо более очевидного соответствия *правовому закону*?

Концептуальный подход требует выбора той или иной теории концептов либо создания собственной (авторской). Наша позиция следующая: 1) очевидно, что концепт *правовой закон* не может изучаться в группе концептов, имеющих телесное воплощение (например, как *молоток*, непосредственно связанный с ментальными репрезентациями о руке, молотке, гвозде, доске или стене и т. п.), или концепт *молоко* с нашим субъективным опытом его потребления, желания, отвращения и т. п.; 2) концепт *правовой закон* относится к группе изучаемых, а не врождённых концептов.

Возможный довод о том, что нет смысла в производстве неправовых законов, мы не принимаем. Во-первых, вся история человеческих законов наполнена такими примерами; во-вторых *неправовые законы* – это одно из средств доминирования одних социальных групп над другими (известные примеры – отменённые законы в США о сегрегации по расовому признаку). В свою очередь концепт *правового закона* становится сущностно оспариваемым концептом. В исследовании нами будут учтены только некоторые (главные) из критериев Галли (W.B. Gallie) для сущностно оспариваемых концептов.

Изучение концепта *правовой закон* пересекается со смежными концептами такими как «право», «закон», «верховенство права», «правовое государство», «демократия», «справедливость», «разделение властей»

[1] House of Lords Constitution Committee, Relations between the executive, the judiciary and Parliament, Sixth Report of the 2006-07 Session, para 24 Back. Available at URL: https://publications.parliament.uk/pa/ld200607/ldselect/ldconst/151/151.pdf (accessed: 06.03.18)

и другие. Одни из этих концептов изучены в большой степени, другие в меньшей степени. Ценностное содержание указанных концептов признаются неотъемлемой их частью. Ценности в свою очередь формируются, поддерживаются и прививаются социальными практиками, к которым принадлежат оба концепта *право* и *закон*. Убеждение и вера индивида и общества в полезность и ценность *правового закона* также составляют важнейшую сторону изучаемого концепта. Поскольку убеждённость судей в необходимости и ценности *правового закона* предопределяет появление Постановления Конституционного суда о признании закона (правовой нормы в законе) несоответствующим Конституции. Драматическое разделение правовых позиций судей Верховного суда США при судебном разбирательстве неконституционности тех или иных правовых норм свидетельствует об убеждённости судей в различном ценностном содержании одних и тех же правовых норм. Такая индивидуальная убеждённость в судей в конституционности/неконституционности правовых норм может также носить градуальный характер. Когда Верховный суд США впервые определил своё право признавать законы нарушающими Конституцию США, Томас Джефферсон не был убеждён, что судьи имеют на это право. Томас Джефферсон опасался, что власть в государстве может быть сосредоточена в руках группы лиц – олигархов (судей) – из-за права давать окончательное толкования действиям исполнительной власти. Спустя два столетия судья Верховного суда США Антони Скалия написал: «Это поразительно. Это утверждение о превосходстве судов над народными представителями в конгрессе и в исполнительной власти <...> предусматривает, что Верховный суд стоит (вернее, сидит на троне) над государством и обладает полномочиями решать все конституционные вопросы, будучи всегда и везде «первостепенным» в этом качестве» [7]. Всего с 2009 по 2016 год Верховным судом США (с голосованием 5 против 4 судей) было рассмотрено 63 дела[1]. Статистика по голосованию в Верховном суде США и эмоциональные высказывания судьи Верховного суда США Антони Скалия подтверждают доводы о том, что *правовые нормы* даже для самых авторитетных специалистов права является вопросом ценностей (моральных, социальных, культурных и т. д.).

[1] The U.S. Supreme Court Database. Available at URL: http://supremecourtdatabase.org/analysisCaseListing.php?sid=1501-TWOFOLD-6748. (accessed: 06.03.18).

Мы считаем возможным выделять концепт *правовой закон* из концепта *право* и утверждаем, что он по-прежнему остаётся сложным, поскольку «утверждение, что концепты являются когнитивными элементами, не предполагает, что они являются примитивными элементами в смысле существования, не изучаются и не строятся из других концептов» [11, p. 609]. Отсутствие определения концепта *правовой закон* не является препятствием для его изучения, поскольку «большинство концептов не имеют определений» [8]. Джерри Фодор (Jerry Fodor) полагает, что «мы не знаем, что такое концепты или что это такое. Почти все, что текущая когнитивная наука говорит по поводу любого вопроса, является ошибочным. Но, по крайней мере, ясно, что концепты не являются структурами типичности и что наличие таких структур не позволяет сортировать вещи» [8].

Концепт «*правовой закон*» в российской и европейской традиции

Из российской литературы отметим ряд работ, которые рассматривают проблемы правового закона. В статье Б. И. Зеленко говорится о том, что Конституционный суд РФ «в своих постановлениях не употребляет понятий «*правовой*» или «*неправовой закон*». В силу специфики конституционного судопроизводства критерием при решении вопроса о дисквалификации закона или отсутствии для этого оснований служит Конституция РФ. В резолютивной части решения должен содержаться вывод о *конституционности* или *неконституционности* закона» [1]. В. А. Четвернин указывает, что «не следует путать форму права и правовое явление <...> форма правовой нормы – это закон, а не правовой закон. Наоборот, один из видов правовых явлений – правовые законы, а не просто законы. Правовой закон – это содержательная характеристика закона, но это не форма права. Нечто правовое не может быть формой права. В данном случае форма права – это закон, т. е. закон как таковой, официальный акт. Причём сам по себе официальный акт может иметь и неправовое содержание, может быть формой выражения властного произвола» [3, с. 164].

Немногочисленные исследования на русском языке правовых концептов, с одной стороны, подтверждают актуальность нашего исследования, с другой стороны – свидетельствуют о значительной терминологической путанице. Вместе с тем,

обнадёживающим является утверждение А. Дж. Раппопорт о том, что «можно идентифицировать как минимум две формы анализа. Можно *описать*, что такое концепты, или можно *предписать*, как следует понимать концепт права. В правильном контексте любой подход может быть уместным» [12, p. 79].

Об опасности формального подхода к определению таких концептов, как *верховенство права*, говорится в следующем отрывке: «Комиссия предостерегла от чисто формального подхода к понятию верховенства права, требующего лишь, чтобы действия чиновника были разрешены законом. "Правление силой закона", или "Правление с помощью закона", или даже"Правосудие по закону" – все это является искажением понятия верховенства права»[1]. В исследовании Венецианской Комиссии за 2009 год резюмируется: «Все внутригосударственные нормативные акты, в первую очередь законы, должны соответствовать Конституции. Неспособность или нежелание законодательной или исполнительной власти выполнять это обязательство должно повлечь ответственность, а точнее должен быть контроль над их актами, которые должны лишаться юридической силы в случае неконституционности» [2, с. 7].

Для нашего исследования вполне очевидным противоречивым положением европейских и международных экспертных организаций является «упование» на Конституцию. История учит, что страны с самыми лучшими Конституциями не защищены от действия преступных законов.

Первым примером признания закона неконституционным является дело *Marbury v. Madison* – судебный прецедент, распространивший компетенцию Верховного суда США на судебный надзор решений других ветвей власти. Верховный суд США впервые признал парламентский закон несоответствующим Конституции, создав прецедент для других решений «Статья 13 Закона о судоустройстве 1789 года, принятого Конгрессом в 1789 году, которая давала Суду полномочия на вынесение таких судебных предписаний, является *неконституционной* и значит не имеющей законной силы»[2].

Тем самым было ограничено право Конгресса принимать законы, противоречащие Конституции, и роль судебной системы заключается в толковании того, что разрешает Конституция.

Посмотрим, как решает проблему неправовых законов Великобритания – одна из старейших демократий Европы. Как известно, в стране отсутствует кодифицированная Конституция и Конституционный суд. Специальная комиссия Парламента Великобритании сделала следующие выводы[3]: «47. Should the UK move towards a codified constitution, one way of addressing the question of what powers the courts should have if they held a piece of legislation to be unconstitutional would be to introduce the concept of a *'declaration of unconstitutionality'*. This could work in the same way as the declaration of *incompatibility* used under section 4 of the Human Rights Act 1998 for situations in which UK legislation is held to be incompatible with the European Convention on Human Rights» («47. Если Соединённое Королевство перейдёт к кодифицированной конституции, одним из способов решения вопроса о том, какие полномочия должны иметь суды, если они будут придерживаться законодательного акта, является введение концепта "*декларации о неконституционности*". Это может работать так же, как декларация о несовместимости, используемая в соответствии с разделом 4 Закона 1998 года о правах человека, в ситуациях, когда законодательство Великобритании считается *несовместимым* с Европейской конвенцией о правах человека»).

Отметим, что терминологические употребления в тексте Парламента Великобритании. Используется термин *incompatible* («*несовместимый*») для неправовых законов и далее, планируется использовать новый термин – концепт «*декларация о неконституционности*». Для стран англо-саксонской правовой системы по-прежнему значительную сложность представляет законотворческая активность судебной системы, в том смысле, что судьи сами создают правовые нормы, что влечёт их ретроспективный характер.

В настоящее время концепт *правовой закон* может рассматриваться одновременно как: 1) идеал правовой нормы (набора правовых норм в законе или кодексе); 2) часть научных доктрин «правового государства», «верховенства права»; 3) подразумеваемая

[1] Контрольный список вопросов для оценки соблюдения верховенства права, принятый на 106-м пленарном заседании Венецианской комиссии (Венеция, 11–12 марта 2016 г.). CDL-AD(2016)007-rus. Available at URL: http://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdf=CDL-AD(2016)007-rus&lang=RU. (accessed: 06.03.18)

[2] Marbury v. Madison, 5 U.S. 1 Cranch 137 137 (1803). Available at URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/5/137/case.html. (accessed 06.03.18)

[3] Political and Constitutional Reform – Fourteenth Report Constitutional role of the judiciary if there were a codified constitution. Available at: https://publications.parliament.uk/pa/cm201314/cmselect/cmpolcon/802/80202.htm. (accessed: 06.03.18)

или имплицитная часть Конституции правового и демократического государства.

Концепт «правовой закон» – сущностно оспариваемый концепт

В 1956 году Галли ввёл понятие *сущностно оспариваемых концептов*. По мнению Галли, это «концепты, надлежащее употребление которых неизбежно связано с бесконечными спорами об их надлежащем употреблении со стороны их пользователей» [9]. Галли не сформулировал формального определения *сущностно оспариваемых концептов,* лишь выделил семь условий *сущностного оспаривания* [14].

Предложение ввести в науку правовой концепт как сущностно оспариваемый не является новым. Новым является предлагаемый нами концепт *правовой закон*, который мы предлагаем относить к сущностно оспариваемым концептам. Вибрен ван дер Бург полагает, что в практической деятельности можно адекватно «...анализировать концепт без ссылки на основные идеалы. Это только делает проблемы излишне сложными, если мы, тем не менее, назовём его сущностно оспариваемым – даже если теоретически можно показать, что это так. Это особенно верно для многих правовых концептов, которые были разработаны в статутах и прецедентном праве, что приводит к относительно полной и согласованной правовой доктрине, которая общепринята» [14].

В русском языке *правовой закон* является фразой и сложным суждением. Рассмотрим с точки зрения Модели Строительных Блоков (*building-block model*) [10] фразу *правовой закон*. Исходя из пропозициональных установок, фраза «правовой закон» может включаться в следующее контекстуальное окружение, быть частью более сложного предложения, как, например: «*X закон является правовым L*», или «*X закон соответствует Конституции N*», или «*Имеется Постановление P Конституционного Суда C, о том, что X закон соответствует Конституции N*», или «*В государстве S принимаются и действуют законы X-s исключительно правовые L-s*».

В концепте *правовой закон* присутствуют компоненты концептов *право* и *закон*, тем самым «невозможно ухватить или принять целую пропозицию без наличия или понимания его составляющих концептов» [10]. Когда прилагательное и существительное концептов объединены, как в случае с концептом *правовой закон*, иногда «возникают взаимодействия, которые не могут быть предсказаны “основными эффектами” самих концептов» [11].

Обсуждение

В исследовании мы использовали метод концептуального анализа, о применимости которого также развёрнута дискуссия. К примеру, А. Дж. Раппапорт невысоко оценивает значение концептуального анализа для правовой науки: «Ни одна из форм концептуального анализа, не может служить основным методом юриспруденции <...> одной областью, которой концептуальный анализ, кажется, даёт надежду, относится к области когнитивной науки. Там учёные исследовали, как индивидуумы классифицируют, а именно концептуализируют обычные явления» [12].

Вибрен ван дер Бург подчёркивает другие сложности: «Существует большая путаница и несогласие с тем, как следует определять или идентифицировать понятие сущностно оспариваемых концептов. Часто, особенно в юридической науке, этот термин используется слишком свободно, как означающий нечто большее, чем концепт» [14, p. 2].

Эренберг (Kenneth M. Ehrenberg) выступает противником причисления концепта *права* к сущностно оспариваемым концептам потому, что «мы не должны ошибаться, думая, что наш концепт права может быть проанализирован независимо от практик, которые его создают» [4]. При этом Эренберг считает, что, «даже если право соответствует некоторым основным критериям сущностного оспаривания, применение этого наименования не помогает разъяснить наиболее общий концепт права и, следовательно, не должно использоваться, тогда как эти критерии являются более полезными для соответствующего концепта *верховенства права* [4].

Рассмотрим определение термина «кластерный концепт» для разрешения вопроса о его применимости к концепту *право* и концепту *правовой закон*. Вибрен ван де Бург приводит раннее определение кластерного концепта У. Коноли (William E. Connolly): «Кластерные концепты – это те, к которым применяется широкий и варьируемый диапазон критериев, и которые сами по себе также являются относительно сложными и открытыми; эти критерии также часто представляют собой кластерные концепты» [14]. Отметим интерпретацию оригинальной идеи Галли, высказанную Дж. Уолдрон (Jeremy Waldron): «Большая часть этого материала использует “сущностно

оспариваемый", означающий нечто вроде "очень горячо оспариваемого, без видимого разрешения". Но в статье Галли "сущностно" является не просто усилителем. Один из способов принять идею Галли заключается в том, чтобы сказать, что термин "сущностно" относится к расположению несогласия или неопределенности: это оспаривание ядра, а не только периферии или полутени концепта» [13, p. 11]. Дж. Уолдрон полагает, что, «"сущностная оспариваемость" является способом, которым некоторые идеалы нам представлены» [13, p. 12].

Несмотря на то что концепт *правовой закон* можно характеризовать как «идеал-ориентированный», это не должно помешать судьям предъявлять нормативные требования по форме и содержанию к конкретному правовому акту. Компонент кластерного концепта *правовой закон* с его содержанием идеала является одновременно источником критики и обновления.

Заключение

Россия является активным участником международного правового, экономического, политического, культурного и т. д. сотрудничества. Основой современной идеологии в мире являются концепты *верховенство права*, *правового государства*, *разделения властей* и др. Современная философия и юридическая наука располагают набором инструментов для конструирования, толкования, усвоения, закрепления и воспроизводства этих концептов. Своеобразие философско-правовой мысли в России имеет очевидные историко-политические причины. Вместе с тем, ведущие исследователи современных направлений философии права предпринимают многочисленные попытки смены научной парадигмы. Предлагаемый нами подход по описанию и объяснению сущностно оспариваемого концепта *правовой закон* касается одного из концептов кластерного концепта *право*. Предлагаемый нами подход сводится к пониманию концепта *правовой закон* как кластерного концепта, содержащего оценочные компоненты и являющегося внутренне сложным. Практическое применение концепта *правовой закон* связано со значительным объёмом *неправовых законов*. Разумные и авторитетные судьи конституционных судов не смогут справиться с подобным объёмом дел, даже если исключить влияние интересов доминирующих социальных групп. Исследование концепта *правовой закон* позволяет вывести относительно немногочисленные случаи официального признания (подтверждённого решением Конституционного/Верховного суда) на уровень научной доктрины, не ограничиваясь анализом «ошибок» законодателей. Конституционный суд это удобная площадка для выяснения всех противоречий *неправового закона*, для установления надёжных критериев, выстраивания шкалы ценностей, которая присутствует на данном историческом этапе общества, государства, науки. Выработка надёжных критериев для отнесения законов к *неправовым* явилась бы серьёзным достижением современных гуманитарных наук. Конечной целью полагаем построение новой всеобъемлющей правовой теории, включающей *принципы*, *идеалы и концепты*.

Право как регулятор общественых отношений стремится к универсальности, совершенству и единообразию в его применении и понимании. Именно выработка критериев и наделение закона качеством *«правовой»* позволит не только на уровне Конституционного суда определять закон таковым, а уже на уровне законотвоческой инициативы исключать возможность принятия *«неправового»* закона в государстве.

_____

1. Зеленко Б. И. О правовой демократии в РФ, власти и социуме // Вопросы философии. 2013. № 6. Нояб. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=834 (дата обращения: 06.03.18).

2. Исследование о прямом доступе к конституционному правосудию Европейская Комиссия за демократию через право (венецианская комиссия). Исследование № 538/2009. URL: http://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=cdl-ad(2010)039rev-rus (дата обращения: 06.03.2018).

3. Четвернин В. А. Введение в курс общей теории права и государства : учеб. пособие. М. : Ин-т государства и права РАН, 2003. 204 с.

4. Шарандин Ю. А., Кравченко Д. В. Верховенство права // Правовое государство и другие международные правовые доктрины: лингвистические аспекты конвергенции и разграничения : сб. ст. / отв. ред. В. Д. Зорькин, П. Д. Баренбойм. М. : ЛУМ, Юстицинформ, 2013. С. 271–302.

5. Bix B.H. On Philosophy in American Law: Analytical Legal Philosophy // On Philosophy in American Law / ed. J. Francis. Mootz III. Cambridge : Cambridge University Press, 2009. Pp. 99–105.

6. Ehrenberg K.M. Law Is Not (Best Considered) an Essentially Contested Concept (April 1, 2011) // International Journal of Law in Context. 2011. Vol. 7. No. 2. Pp. 209–232. URL: https://ssrn.com/abstract=1876654 (accessed: 06.03.18).

7. Fisher D. Scalia Urges Judicial Restraint Toward DOMA – Unlike His Cry In Obamacare. Personal Finance. JUN 27, 2013. URL: https://www.forbes.com/sites/danielfisher/2013/06/27/scalia-urges-judicial-restraint-in-doma-dissent-unlike-his-cry-for-intervention-in-obamacare/#6a81208467f6 (accessed: 06.03.18).

8. Fodor J. Is it a bird? URL: http://www.mit.edu/~6.863/spring2011/readings/fodor-on-concepts.pdf (accessed: 06.03.18).

9. Gallie W.B. Essentially Contested Concepts // Proceedings of the Aristotelian Society. 1956. Vol. 56, Issue 1. Pp. 167–198. URL: https://doi.org/10.1093/aristotelian/56.1.167. (accessed: 06.03.18).

10. Glock H.J. Propositional attitudes, intentional contents and other representationalist myths // Mind, Language and Action / A. Coliva, D. Moya-Sharrock, V. Munz. New York : De Gruyter, 2015. Pp. 523-548. Available at URL: http://www.zora.uzh.ch/id/eprint/107267/. (accessed: 06.03.18).

11. Goldstone R., Kersten A., Carvalho P. Concepts and Categorization // Handbook of Psychology. 2nd ed. 2012. Pp. 607–630.

12. Rappaport A.J. On the Conceptual Confusions of Jurisprudence (November 1, 2014). 7 Wash. U. Jur. Rev. 77 (2014); UC Hastings Research Paper No. 65. URL: https://ssrn.com/abstract=2317570 or http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2317570 (accessed: 06.03.18).

13. Waldron J. "Is the Rule of Law an Essentially Contested Concept (In Florida)?" // Law and Philosophy. 2002. Vol. 21, no. 2. Pp. 137–164. URL: www.jstor.org/stable/3505128 (accessed: 06.03.18).

14. Burg, Wibren van der. Law as a Second-Order Essentially Contested Concept (May 23, 2016). Jurisprudence, Forthcoming; Erasmus Working Paper Series on Jurisprudence and Socio-Legal Studies No. 16-001. URL: https://ssrn.com/abstract=2783292 (accessed: 06.03.18).

References

1. Zelenko B.I. (2013) O pravovoy demokratii v RF, vlasti i sotsiume [About Legal Democracy in the Russian Federation, Authorities and Society], Available at: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=834. (accessed 06.03.18) [In Rus].

2. Issledovanie o pryamom dostupe k konstitutsionnomu pravosudiyu Evropeyskaya Komissiya za demokratiyu cherez pravo (venetsianskaya komissiya) [Study on individual access to constitutional justice. Adopted by the Venice Commission at its 85th Plenary Session (Venice, 17-18 December 2010)] Issledovanie no. 538/2009. Available at: http://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=cdl-ad(2010)039rev-rus (accessed 06.03.18) [In Rus].

3. Chetvernin V.A. (2003) Vvedenie v kurs obshchey teorii prava i gosudarstva. Uchebnoe posobie [Introduction to the Course of the General Theory of Law and the State. Manual]. Moscow, Institut gosudarstva i prava RAN, 204 p. [In Rus].

4. Sharandin Yu.A., Kravchenko D.V. (2013) Verkhovenstvo prava, Pravovoe gosudarstvo i drugie mezhdunarodnye pravovye doktriny: lingvisticheskie aspekty konvergentsii i razgranicheniya [The Rule of Law, the State of Law and Other International Legal Doctrines: the Linguistic Aspects of Convergence and Delineation]. Moscow, LUM, Yustitsinform, pp. 271–302 [In Rus].

5. Bix B.H. (2009) On Philosophy in American Law: Analytical Legal Philosophy. On Philosophy in American Law, ed. Francis J. Mootz III. Cambridge, Cambridge University Press, pp. 99-105 [In Eng].

6. Ehrenberg K.M. (2011) *International Journal of Law in Context*, vol. 7, no. 2, pp. 209–232, available at: https://ssrn.com/abstract=1876654 (accessed 06.03.18) [In Eng].

7. Fisher D. (2013) Scalia Urges Judicial Restraint Toward DOMA – Unlike His Cry In Obamacare. Personal Finance. JUN 27, available at: https://www.forbes.com/sites/danielfisher/2013/06/27/scalia-urges-judicial-restraint-in-doma-dissent-unlike-his-cry-for-intervention-in-obamacare/#6a81208467f6 (accessed 06.03.18) [In Eng].

8. Fodor J. Is it a bird? Available at: http://www.mit.edu/~6.863/spring2011/readings/fodor-on-concepts.pdf. (accessed 06.03.18) [In Eng].

9. Gallie W.B. (1956) Essentially Contested Concepts, Proceedings of the Aristotelian Society, vol. 56, iss. 1, pp. 167–198, available at: https://doi.org/10.1093/aristotelian/56.1.167. (accessed 06.03.18) [In Eng].

10. Glock H.J. (2015) Propositional attitudes, intentional contents and other representationalist myths // Language and Action. New York, De Gruyter, pp. 523–548, available at: http://www.zora.uzh.ch/id/eprint/107267/. (accessed 06.03.18) [In Eng].

11. Goldstone R., Kersten A., Carvalho P. (2012) Concepts and Categorization // Handbook

of Psychology, Second Edition, pp. 607–630 [In Eng].

12. Rappaport A.J. (2014) On the Conceptual Confusions of Jurisprudence (November 1, 2014). 7 Wash. U. Jur. Rev. 77. UC Hastings Research Paper no. 65, available at: https://ssrn.com/abstract=2317570 or http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2317570 (accessed 06.03.18) [In Eng].

13. Waldron J. (2002) "Is the Rule of Law an Essentially Contested Concept (In Florida)?" Law and Philosophy, vol. 21, no. 2, pp. 137–164. Available at: www.jstor.org/stable/3505128 (accessed 06.03.18) [In Eng].

14. Burg, Wibren van der (2016). Law as a Second-Order Essentially Contested Concept (May 23, 2016). Jurisprudence, Forthcoming. Erasmus Working Paper Series on Jurisprudence and Socio-Legal Studies no. 16-001, available at: https://ssrn.com/abstract=2783292 (accessed 06.03.18) [In Eng].

For citing: Zvereva P.K.
Concept "legislative law"
as an essentially disputed concept? //
Socium i vlast'. 2018. № 2 (70). P. 67–75.

UDC 1

CONCEPT "LEGISLATIVE LAW" AS AN ESSENTIALLY DISPUTED CONCEPT?

Zvereva Polina Konstaninovna,
Tyumen Industrial University,
Post-graduate student of the Department Chair of the Humanities and technologies.
The Russian Federation, 625000,
Tyumen, Volodarskogo Street, 38.
E-mail: polyusha@inbox.ru

Annotation
The author suggests discussing her own vision of the concept "legislative law" as one of the components for the concept "law". The author forms the rationale for treating the concept "legislative law" as the concept belonging to the group of concepts: cluster, essentially disputed, having inner complexity. From the viewpoint of everyday language the main distinguishing feature of the concept "legislative law" is being in accordance with the Constitution of a democratic and law-bound state. Basing on the research findings the author enumerates and classifies distinguishing features of the concept "legislative law" which makes it possible to state that it is useful to treat it out of the bigger concept "law" and classifying it as an essentially disputed concept. We use the conceptual method in the philosophy of law to focus researchers' attention on analyzing the certain group of cluster concepts and ways of their interpretation by followers of different law theories. Setting apart the core and the periphery of the concept "legislative law" makes it possible to partly eliminate linguistic inaccuracy in laws and judicial practice. The concept "legislative law" is illustrated with regard to regulatory acts, statutory regulations in court holdings and the aspects of how history, politics and ideology influence the concept "legislative law" are touched upon. The article gives examples of laws which are not in conformity with the Constitution which from our perspective is determination of criteria for the concept "legislative law". The research is done in accordance with the modern paradigm of cognitive science, philosophy of law and perception. The results of the research due to their novelty are suggested to be proposed for scientific consideration after which it will be possible to use them for practical guidelines on expert study of regulations and standards whether the adopted laws are in accordance with the Constitution.

Key concepts:
law,
"legislative law",
concept,
"essentially disputed concept",
U.B. Galli's criteria,
"supremacy of law",
Ideal.